

1.3. Философия науки и техники

УДК 101.9

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_121_135

В.В. Седов

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ» КАК ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** актуальность исследования заключается во всё более растущей как популярности и полезности, так и опасности цифровых инструментов и цифрового мышления, которое может привести к необратимым последствиям в самом ближайшем будущем. Цель статьи – определить и уточнить современное положение общества и молодёжи в нём, которая находится под влиянием цифровизации и неуклонно движется ко всё большей диджитализации. В статье рассматриваются вопросы мышления и восприятия обществом культуры «нового мира», и соответствующих этому перемен; как общество справляется с новыми вызовами, и к чему это может привести.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровые инструменты, общество, коммуникации, философия, виртуальное общество.*

Современное общество всё более непредсказуемо погружается в мир, полный культурных фантазий, где самые священные столпы общества подвергаются критике, переосмыслению, сопоставлению. Сквозь призму цифровых технологий быстро меняется сама система восприятия человеком мира: всё наполняется симулякрами и симуляциями симулякров, где впоследствии рож-

Седов Владислав Васильевич – студент магистратуры 2-го курса Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).
E-mail: wladislawsedow@gmail.com

дается новая культура, неосмысленная и непроработанная. Дальнейшие попытки не обращать на это внимание чреваты тем, что подобная «симуляция» полностью выйдет из-под контроля, и человечество утратит возможность создать новую философскую парадигму, осмысливающую новое общество и новое положение вещей.

В этой связи необходимо изучить масштаб изменений внутри культуры, понять, какие культурные ценности уходят, а какие приходят или только придут вместо них. Устранение «человеческого фактора» и явление миру холодного машинного интеллекта, который безучастно, но очень точно прогнозирует и решает за людей, что им делать, были описаны во множестве романов и антиутопий. И исключение человеческого фактора из самой культуры опасно тем, что жизненное пространство человека станет чрезмерно искусственным.

Появление относительно независимого внешнего фактора формирования культурной среды – искусственного интеллекта, «Deus ex Machina», вносит новые корреляции, которые сложно заметить и осознать. Большая часть стремительно изменяемых культурных ценностей меняются именно под влиянием цифровых технологий и ИИ, и не совсем понятно, происходит это по заказу человека или же стихийно и событийно внутри самой системы цифрового общества. Практика показывает, что современный ИИ, который, конечно, находится пока ещё на ранних этапах своего развития, максимально зависим от человека и более того – человек как его владелец может условно «перенастроить» любой ИИ таким образом, что он будет принимать только необходимые решения. При этом, отследить этот факт нет никакой возможности – достаточными знаниями об этом обладают лишь немногие технические специалисты.

Информационно-коммуникационный универсум, порождённый технологиями, с определённого этапа начал развиваться относительно самостоятельно, независимо. Эти этапы, или же, как например, эпохи в работе М. Маклюэна разделяются на 6 единиц. Первые три описывают становление коммуникационных технологий, в основном касаясь письма и книг, поэтому на данный момент уже неактуальны, или, скорее, не столь интересны. Здесь стоит начать с четвертой, которую Маклюэн назы-

вает «постгутенберговской» поскольку и она, и затем следующая, пятая, во многом характеризуют нынешнюю эпоху [6]. Отличается эта эпоха от всех предыдущих, в первую очередь, кардинальной позиционной разницей в обработке, получении и хранении информации. Вместо абстрактных образов, создаваемых книгой, в сознание человека приходят новые, совершенно иные формы: аудиовизуальные трансляции информации, которые кажутся более «осязаемыми» и не зависят от воображения человека, а лишь доставляют до него уже изначально заданные красочные картины. По мнению М. Маклюэна, электронные технологии общения способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности, превращают нашу планету в единую «глобальную деревню», в которой не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов [3].

Подобное отделение человека от старых и привычных форм социального функционирования привносит в его жизнь как ряд кризисов, так и некоторые внешние и/или внутренние раздражители, формируемые современным обществом. Однако большинство таких выгод и недостатков становятся вполне равновесными антитезами: одиночество и пресыщение онлайн-общением, повышение толерантности в обществе и одновременно ещё большая неприязнь к другому, свобода слова и самоцензура, открытость и замкнутость. Этот список можно ещё довольно долго продолжать, однако смысл ясен — такие коренная перестройка и уход человечества «в себя» (особенно на фоне пандемии COVID-19) создают основание для формирования концептуально нового общества и соответствующей ему философии современности.

Рождение такого мира, в первую очередь, обусловлено именно формой получения информации. К этому вопросу обращается У. Эко, выделяя две социальные группы будущего, которые используют разные способы получения информации. Первая характеризуется аморфностью и внушаемостью и связана конкретно с получением уже готовых мыслеобразов посредством телевидения или разного рода интернет-мессенджеров, которые специализируются исключительно на видео-контенте развлека-

тельного характера. Эта группа находится в зоне «интеллектуального риска»: по мнению У. Эко такой способ чреват упадком грамотности и «моральным обнищанием». Вторая же группа использует компьютер и интернет для выявления, анализа и получения отсеянной, качественной информации, то есть эта группа — люди высокообразованные и умеют мыслить критически [10]. Теория Эко подталкивает нас к мироощущению постмодернизма [5], отбрасывая как «постгутенбергскую» теорию Маклюэна, так и мир модерна.

Пятый этап, по Маклюэну, характеризуется ещё большим расширением «постгутенбергского» мира социальной коммуникации и мировосприятия, которое усугубляется углубленным вторжением в нашу жизнь новейших компьютерных технологий. На данном этапе наша жизнь уже неотделима от этих технологий, они в буквальном смысле слова пропитывают наше окружающее пространство. В такой среде люди на данном этапе всё более отдаляются от самих себя. С какой-то точки зрения это полезно для внутренней рефлексии и самопостижения, если бы не одно но: всё временное пространство человека занимают новейшие гаджеты и бесконечный поток информации, который они предоставляют. То социальное дистанцирование, о котором начали говорить, как о чём-то необходимом после начала пандемии, на самом деле во многом уже давно было достигнуто, и пандемия лишь подтвердила неизбежное метасоциальное изменение коммуникативного пространства человека.

Это исказило и природу мышления человека. На данном этапе человек начинает мыслить цифрами, как бы это ни звучало абсурдно, и на таком базисе рождается новое поколение, чья философия целиком отличается от всех предыдущих поколений и ни на что не похожа: она гибрид, сочетающий в себе достижения предыдущей информационной эпохи и новые метафизические концептуальные осознания, выстроенные на новом понимании времени, а также значительно переменившиеся лейтмотивы и потребности, в т.ч. и морально-этические. Такой процесс был обозначен как «цифровая революция» и «цифровая цивилизация».

Последним прогностическим этапом Маклюэн выделяет сингулярную коммуникацию. Она характерна множественными до-

мыслями о том, что, идя по определённом пути развития цифровых технологий, человечество перейдёт в иную фазу существования: в какой-то момент скорость развития технологий из неуловимой переменной станет константой, т.е. эти изменения станут фактической нормой бытия, вслед за чем наступит резкое и масштабное изменение всей нашей цивилизации. На таком этапе человеку, чтобы не сойти с ума от непонимания происходящих процессов, потребуется новая идеология, новые моральные устои, поскольку те, которыми мы мыслим даже на данный момент устарели и нуждаются в полноценной переработке.

В данном случае проблемы технологического развития сводятся к интуитивному восприятию человеком окружающей реальности, а точнее — к преломлению этого восприятия. Предполагается, что к 2035-2040 гг. прогностические кривые развития науки и новых технологий станут почти вертикальными, т.е. скорость развития в единицу времени станет неимоверно высокой и будет расти по экспоненте и дальше. В свою очередь, это говорит о том, что наступит момент, когда люди с помощью технологий начнут активно дополнять или, возможно, подменять реальность.

Такой процесс происходит уже и сейчас — но в несколько иных тенденциях. Это стоило бы окрестить «цифровой философией», которая создаётся прямо сейчас поколением, родившимся на сломе данных эпох. Такое поколение, в свою очередь, можно назвать «новым потерянным поколением»: оно всё ещё пропитано духом стремительно уходящей информационной эпохи, но ещё недостаточно включилось в новый нынешний дискурс цифрового общества, которое так же быстро идёт на смену данному поколению.

Феномен в целом можно связать с «потерянным поколением», поскольку ситуация возникает аналогичная: первое потерянное поколение, родившееся в последнем десятилетии XIX-го века, своим взрослением попало на период морально-этического вакуума, спровоцированного Первой Мировой войной. Этот вакуум вылился в поиск новых идей, поскольку старый мир и его колониально-империалистические концепции резко были оборваны революциями и утратой большинством людей жизненных ориентиров вследствие тотально переменившегося мира. Разница между старым потерянным поколением и новым в том,

что на долю нового не выпала никакая новая «Великая война», погубившая миллионы жизней, заставившая молодёжь рано начать убивать и лишившая их возможности нормально адаптироваться к реальности.

Таким образом, необходимо указать на следующее: «потерянные» поколения схожи только в плане изначально заданных императивов своего формирования, но никак не относительно содержания самого процесса. Новое потерянное поколение легче адаптируется к реальности и способно свободно воспринимать новую информацию. Однако проблема заключается в том, что оно не хочет (и не может) адаптировать старые идеи к новому времени, предпочитая придумывать свои или же «прятаться головой в песок», уходя в себя, прячась от окружающего мира во множестве вселенных, которые предлагает цифровой мир.

Итак, их схожесть — это, во-первых, нежелание адаптировать старое, во-вторых, создание нового, концептуально иного взгляда на большинство моральных устоев общества, которые считаются классическими и нормальными по той простой причине, что они появились раньше и существуют уже несколько эпох. А добавление в это метауравнение новой переменной в виде искусственного интеллекта, способного в ближайшем будущем формировать свою собственную этическую повестку, приносит элемент хаоса в систему существования человеческого бытия и восприятия человеком как себя, так и окружающего мира. Именно из-за введения новой переменной это поколение можно условно обозначить «потерянным».

Общество постмодернизма изобилует неточностями. Однако Ж. Бодрийяр, активно занимавшийся «конструктивной деконструкцией» реальности, допускает лишь единственную реальность, допущение которой всегда равнозначно её созданию. Реальность симулятивна, став некой игрой в реальность, игрой в игру реальности. Такую надстройку можно утверждать бесконечно, создавая бесконечное число сверхреальностей. Среди всех этих формаций современный человек «активно теряет», часто делая это сознательно, поскольку сейчас, по его мнению, уже невозможно создать ничего нового конкретно для этой реальности. Таким путём человек через расширение территории реальности пытается компенсировать недостаток идейного контек-

ста, бесконечно пристраивая к имеющейся реальности новые псевдореальности. Это рождает одновременно элемент ощущения всемогущества и в то же время полной беспомощности (хотя в данном случае всё зависит исключительно от мироощущения самого человека).

Всё в этой реальности строится на процессе симуляции: модель конструируют, комбинируя разные черты или элементы реальности, и эта модель «разыгрывает» событие, ситуацию реальности. Бодрийяр пишет: «В массовых коммуникациях подобная процедура получает силу реальности: последняя уничтожена, рассеяна в пользу этой неореальности модели, материализованной самим медиумом» [1].

Порождение миллиардов новых реальностей в умах каждого человека создаёт когнитивную нагрузку на человечество в виде некоего «белого шума», который разрушает здоровую «реальную реальность», смешивая сотни видов различных псевдореальностей в единое целое, в котором невозможно разобраться. На всём этом основании выстраиваются симулякры «обыденности», огромных и жутких форм, обволакивая оригиналы и генерируя неоправданно большее количество новых симулякров в прогрессии, превышающей геометрическую в несколько раз. В конечном итоге, вслед за мыслеобразами в эти псевдореальности перемещается уже и личность человека, и его восприятие, теряясь в ней и смешиваясь с иными, которые кажутся данной конкретной личности более привлекательными и всеобъемлющими. На этом строится конфронтационное преломление этих эпох: той, где господствовала старая морально-этическая система восприятия, выстроенная на «старой философии», и эпохи, в которой, как ни странно, даже попытки сформировать новый идейный дискурс отсутствуют в силу потребления несобранного иллюзорного смысла, рождаемого под каждую личность умышленно, для удовлетворения сиюминутных потребностей.

Это создаёт ощущение неполноценности – отсутствие идеи как выраженного фактора самовосприятия и движущей силы в угоду потреблению «здесь и сейчас» без видимой перспективы убивает в современном молодом поколении даже гипотетическую заявку на создание собственных нравственных ориентиров, кроме тех, которые были созданы для откровенных манипуля-

ций социумом «политиканами», не менее измельчавшими в политическом смысле, чем их идейно-философский дискурс.

Так создаётся подмена одной реальности на другую. Мир фэнтези и фантастики, в котором многие молодые люди пребывают перманентно, реабилитируя себя через утверждение что это «их хобби/развлечение/отдых» и т.д. является откровенной фальсификацией реальности для отвлечения этих людей от их собственных когнитивных диспропорций. Эти люди часто существуют в сетях самых ядовитых и жутких иллюзий, вокруг которых формируется чрезвычайно токсичное сообщество, готовое уничтожить любых критиков такого образа жизни посредством кибербуллинга. Эти сообщества становятся похожими на извращённые секты поклонения какому-либо игровому миру, в который эти «сектанты» стараются уйти целиком и полностью, отменяя действительную реальность и рождая техническое безумие выдуманых и беспочвенных традиций недалёковидно мыслящих людей. Иногда это становится ещё одой надстройкой: они стремятся в игровом мире воссоздать репродукцию реального мира, с извращением его законов в угоду собственной моральной прихоти и/или в поисках нового варианта развлечения и отвлечения себя от действительной реальности, которая угнетает их. Вслед за этим, по мнению Бодрийера, происходит деперсонализация личности, дереализация объектов и активное абсорбирование симулякров [1], следом за которыми идёт деконструкция реальности именно в смысле её умышленного разрушения посредством постепенного ухода от неё.

Итак, «уходящее» современное восприятие мира создано тем коллективным бессознательным человечества [11], которое оно накапливало с создания первейших цивилизаций и по ходу прогресса иногда незначительно, а иногда и значительно реформируя. Однако тут нужно также отдельно указать следующее пояснение Карла Юнга: «...Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверличным» [11].

Принимая это во внимание, формируемая цифровая цивилизация будет кардинально отличаться от предыдущей: её коллективное бессознательное будет бесформенным, мотаясь из сто-

роны в сторону в хаотическом порядке в силу столь явственно проповедуемой ложной индивидуальности, которая по факту является навязанным медиапродуктом, и не будет отличаться целостностью мысли и движения. Так начинает формироваться новый миф, рождённый из интерсубъективных верований, которые отображают реальность только обобщённо. Опасность состоит в том, что в ряде случаев этот миф занимает место науки или, по крайней мере, выступает её эквивалентом, с помощью которого мир понимается, описывается и переписывается.

Этот миф является чрезвычайно сложным социальным образованием, которое может претендовать на то чтобы заменить собой реальность. Процесс деконструкции реальности выявляет возможность сформировать такую иллюзию из компонентов условной деконструируемой «старой реальности» и тех аспектов, которые «хотелось бы» добавить по разным причинам. Об этом говорит в несколько ином смысле В.М. Пивоев: «Иллюзия – это не обычный обман или ложное представление. Это такое представление, которое внушает нам надежду на удовлетворение наших потребностей» [9].

Таким образом, можно сказать что, несмотря на попытки такой иллюзии заменить собой реальность, это будет всё та же мнимая реальность, которую мы, тем не менее, воспринимаем как правду. Такой феномен всё больше распространяется среди поколения, родившегося в период с 1990-х по начало 2000-х годов.

Необходимость потребления таких иллюзий новым поколением обусловлена ещё и тем, что происходит действительный разрыв, привычный, можно сказать классический, и в то же время дополненный новыми возможностями, дарованными технологиями. Этот разрыв рождает чувство покинутости, забытья, потерянности, трепет и ужас перед чем-то непостижимо всемогущим, даже несмотря на то, что это непостижимое и всемогущее уже было «опробовано», понято и воспринято ранее как некоторые традиционные морально-этические и метафизические истины, описанные сотнями философов последних двух тысяч лет.

Подобное нуминозное отношение ко всему происходящему отлично преподносит то социальное равнодушие, с которым мы сталкиваемся сейчас. «Отсюда нынешняя близость первых лиц, всего госаппарата, депутатского корпуса к церкви, всё более

выступающей в качестве магического средневекового института, владеющего волшебными средствами воздействия на мир... Апелляция к симулятивной архаике, не обеспечивающей смысловую проработку идущих в обществе изменений и, тем более, не порождающей новых смыслов и ценностей, представлений о будущем, становится причиной стремительной деморализации общества, массовой аномии, асоциального индивидуализма и цинизма» [2].

Всё это подводит к той мысли, над которой размышляют уже многие поколения философов: соответствие нашего представления о мире реальности того мира, в котором мы живём и действуем. Здесь традиционно можно вспомнить И. Канта и его «вещь в себе», которая объясняется как то, что сущность принципиально и категорически не может ни при каких обстоятельствах быть постигнута человеком в её первоначальном самостоятельном, самобытном существовании.

Исходя из этого, можно сделать вывод: всякая подобная вещь в сознании человека является не чем иным и не более чем как некой репрезентацией, репродукцией этой вещи, созданной с помощью осознания её человеком на его собственном уровне; при этом человек не понимает её реальной сути. Такого рода репродукции в дальнейшем могут распространяться и существовать как «объективизированный» предмет, получив такой статус через принятие одной субъективной точки зрения большинством. И так далее. С явлением человека сущность предмета как минимум удваивается, а иногда и утраивается, и это может продолжаться бесконечно. То есть реальная действительность есть не что иное как некая «вещь в себе» и её репрезентации.

Приходя к такому выводу, мы неизбежно наталкиваемся на проблему того, что раз реальность является вещью в себе, то объективно мы её познать не способны, а значит, мы не знаем, что такое реальность, и реальность каждого отдельного человека есть всего лишь иллюзия, созданная через репродукцию субъективного понимания человеком сути вещей. На таком этапе проблемой становится уже не только самосознание личности и её места в реальности, но и сверх того – осознание нереальности его реальности. Утрата действующей нити ведёт к психоэмоциональной нестабильности и поиску новых ориентиров, чтобы

подменить неожиданно оказавшуюся «нереальной» реальность какой-то новой, которая в силу разных причин будет казаться более реальной и объективной.

Здесь уже рождается культ, миф, иллюзия «нового мира» на руинах старой этической системы, которая была «иллюзорна и в корне неверна, ошибочна и оскорбительна». А дальше на неё наслаиваются «аномалии, извращения, мутации» общественной мысли.

Современное «потерянное» поколение не может найти само себя в этой картине мира и мечется из стороны в сторону, при-мыкая к навязанным идеям, отказываясь создать свою идею, или создавая её посредством болезненных переживаний и трагедий. Образуется бесформенная картина мира, и непонятно, что является её причиной – возможно, что средства массовой коммуникации. Жизненная практика человека перестаёт быть значимой, его мир создаётся и дублируется, подпитывается при помощи СМИ, которые дают нам то малое «оконце», форточку, через которую мы под нужным им углом смотрим на то, что происходит снаружи, подавая нам свою собственную, умышленно сгенерированную «вещь» общественности как нашу собственную.

Изучая новые тенденции в цифровизации государственных систем и отъявленную, почти ничем неприкрытую диктатуру социальных сетей, можно смело утверждать, что всё это – продукт политического заказа на создание послушного и верного электората. Впрочем, данный момент также является спорным и обрастает сотнями мифов и теорий заговоров.

Проблема поколения и его потерянности возникает при том, что всё чаще появляется термин «виртуальная реальность», которая ещё более легко реорганизуется и в неё ещё проще добавлять «всё необходимое», вне зависимости от того, у кого возникла подобная необходимость [4].

Об этом весьма подробно писал А. Бюль, говоря, что переход к виртуальному обществу происходит в границах и рамках киберпространства, сформированного процессом активной цифровизации реальности [14]. Он описывает те феномены, которыми обладает «цифровой индивид».

1. *Открытость*. Субъект кажется крайне восприимчивым и «доброжелательным» ко всему новому, непознанному, однако

такая необходимость скомплектована только по той причине, что происходит чрезвычайно быстрое распространение цифровых технологий, и попытка «закрыться» от них чревата стремительным отставанием, и, как следствие, отчуждённостью, или же столкновением с иными подобными индивидуумами, которые принуждают субъекта быть «открытым»: в противном случае его обвинят в какой-нибудь «нетерпимости» (расизме, антисемитизме, излишнем конформизме и т.д.).

2. *Изолированность.* Несмотря на открытость индивида, с помощью цифровых технологий он оказывается в искусственной изоляции от реального мира: через СМИ и соцсети до индивида можно донести буквально любую точку зрения, которая необходима, или на которую у индивида есть собственный спрос. Так этот субъект лишается права на частную жизнь. Прошедшая эпидемия коронавируса донельзя усугубила эту ситуацию.

3. *Фрагментарность.* Индивид, в силу разных причин, вынужден существовать и сосуществовать с десятками и сотнями виртуальных миров, создаваемых тут и там почти молниеносно — они, являясь частью киберпространства, используя вышеописанные открытость и изолированность индивида, активно, быстро и действенно подменяют собой «одну единственную» и настоящую реальность.

Внедрение и распространение цифровых технологий ускорило прогресс в тысячи раз, если не больше [12]. И здесь важным событием в жизни современного человека становится подмена традиционной модели коммуникации на более функциональную и эффективную, и чем дальше, тем ближе современное поколение оказывается к виртуальной коммуникации.

Именно тут возникает центральная проблема «потерянного поколения» — отчуждение, вопрос сохранения собственно личности человека. Методом усложнения и без того немало сложного мира, создавая новые технологические системы и угрозы, человек всё более привносит в этот мир те силы, над которыми он просто неспособен удержать контроль — и тогда контроль получают как раз эти, часто стихийные силы [7]. Чем больше человек преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь.

С помощью инструментов цифровизации создаются такие «монстры», которые способны с необычайной лёгкостью манипулировать сознанием социума, что заставляет его забыть и утратить всякую способность к критическому мышлению. Именно это и наблюдается у большинства современных людей. Но при этом всё, и те, кто подвергается этим манипуляциям, и те, кто руководит ими, остаются беспомощны и беззащитны в руках формируемой ими массовой культуры — именно здесь угроза потери личности реализуется на максимуме. Предлагаемые на всеобщее обозрение сотни формаций общественной мысли и ценностно-этических ориентиров вносят масштабный дисбаланс в картину мира современного молодого человека, который не может определиться, какая из всех этих картинок ему нравится больше и вызывает у него сильнейших отклик — но ему также нужно ориентироваться на общие тренды, в противном случае он рискует быть полностью изолированным от общества и «потеряться ещё больше».

В качестве вывода мы можем сказать следующее: разрозненность, изоляция, утрата личностных ценностных ориентиров, самостоятельно сформированных человеком, потеря веры в общественные институты и традиционные формы бытия, а также разрушение целостного морального компонента мирового сообщества — таковы результаты активно продолжающейся цифровизации. И на смену старым ориентирам новые не приходят — генерируется общая моральная ступень полного отсутствия всякой морали и ориентиров, и именно такая форма существования и становится ценностным ориентиром для молодёжи. Вслед за тем распадается модель общественного доверия ко всему окружающему, в том числе к самой реальности и вполне логичным кажется уход от этой реальности в миры, которые человек, как ему кажется, может формировать сам, забывая, что и действительная реальность также способна меняться под воздействием человека — требуется лишь больше усилий и больше терпения. Отсутствие доверия ведёт также и к полураспаду общественных институтов и государственной власти, или, что страшнее, — вызывает их болезненную деформацию. Будущее становится ещё более неопределённым, поскольку становится понятно, что формировать его некому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Гудков Л.М. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – №2 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-rossii-smysl-funktsii-struktura-1> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Дзялошинский И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций. / Под ред. Лободенко Л.К. – Челябинск: Издательство Южноуральского университета, 2020. – 553 с.
4. Дмитриева В.А., Святец, Ю.А. Реконструкция прошлого в познавательном пространстве «виртуальных реальностей» Step by step // Круг идей: модели и технологии исторической информатики: Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер». – М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 1996. – 342 с.
5. Емелин В.А. Киберкультура и сетевое либертарианство // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 3-11.
6. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; – Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
7. Ненасилие: философия, этика, политика / Под ред. Гусейнова А.А. – М.: Наука, 1993. – 188 с.
8. Носов Н. Психологические виртуальные реальности / Рос. АН, Ин-т человека, Лаб. виртуалистики. – М.: Б.и., 1994. – 195 с.
9. Пивоев В.М. Миф в системе культуры. – Петрозаводск, 1991. – 216 с.
10. Эко У. Под Сетью (интервью с Л. Маршаллом) // Искусство кино. – М., 1997. – № 9. URL: https://bookscafe.net/read/li_marshall-pod_setyu_intervyu_s_umberto_eko-45487.html#p1 (дата обращения: 16.04.2023)
11. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Пер. А. Чечиной. – М.: АСТ, 2019. – 495 с.
12. Brenner D.L. Telecommunications and World Information Revolution / D.L. Brenner. – N.Y., 2006. – 91 p.
13. Biihl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. – 562 p.
14. Biihl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 397 p.

Sedov V.V.

THE CONCEPT OF THE “NEW LOST GENERATION” AS A PHILOSOPHICAL IDEA OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg). E-mail: wladislawsedow@gmail.com

Abstract: *the purpose of the article is to identify and clarify the current situation of society and young people in it, which is under the influence of*

digitalization and is steadily moving towards increasing digitalization. The article deals with the issues of thinking and perception of the culture of the “new world” by society, and the corresponding changes, how society copes with new challenges and what this can lead to. The relevance of the study lies in the increasingly growing popularity and usefulness, as well as the danger of digital tools and digital thinking, which can lead to irreversible consequences in the very near future.

Key words: *digitalization, digital tools, society, communications, philosophy, virtual society.*

REFERENCES

1. *Bodriyar Zh.* Simvolicheskiy obmen ili smert' / Per. s fr. S. H. Zenkina. – M.: Dobrosvet, 2000. – 387 p.
2. *Gudkov L.M.* «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. – 2012. – №2 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-rossii-smysl-funktsii-struktura-1> (data obrashcheniya: 15.04.2023).
3. *Dzyaloshinskiy I.M.* Filosofiya tsifrovoy tsivilizatsii i transformatsiya mediakommunikatsii. / Pod red. Lobodenko, L.K. – Izdatel'stvo Yuzhno-ural'skogo universiteta, Chelyabinsk. 2020. – 553 p.
4. *Dmitrieva V.A., Svyatets, Yu.A.* Rekonstruktsiya proshlogo v poznavatel'nom prostranstve «virtual'nykh real'nostei» Step by step // Krug idei: modeli i tekhnologii istoricheskoi informatiki: Trudy III konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». – M.: Izd-vo Mosk. gor. ob-niya arkh., 1996. – 342 p.
5. *Emelin V.A.* Kiberkul'tura i setevoye libertarianstvo // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2018. – №3(31). – Pp. 3-11
6. *Maklyuen M.* Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva; Zakl. st. M. Vavilova. –M.; – Zhukovskii: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole». 2003. – 464 p.
7. *Nenasilie: filosofiya, etika, politika* / Pod red. Guseinova, A.A. –M.: Nauka. 1993. – 188 p.
8. *Nosov N.* Psikhologicheskie virtual'nye real'nosti / Ros. AN, In-t cheloveka, Lab. virtualistiki. –M.: B.i., 1994. – 195 p.
9. *Pivoev V.M.* Mif v sisteme kul'tury. – Petrozavodsk. 1991. – 216 p.
10. *Eko U.* Pod Set'yu (interv'yu s L. Marshallom) // Iskusstvo kino. – M., 1997. – № 9. URL: https://bookscfe.net/read/li_marshall-pod_setyu_intervyu_s_umberto_eko-45487.html#p1 (data obrashcheniya: 16.04.2023)
11. *Yung K.G.* Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe / Per. A. Chechinoi. – M.: AST, 2019. – 495 p.
12. *Brenner D.L.* Telecommunications and World Information Revolution / D.L. Brenner. – N.Y., 2006. – 91 p.
13. *Bihl A.* Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. – 562 p.
14. *Bihl A.* Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 397 p.

Поступила в редакцию – 26.04.2023 г.
